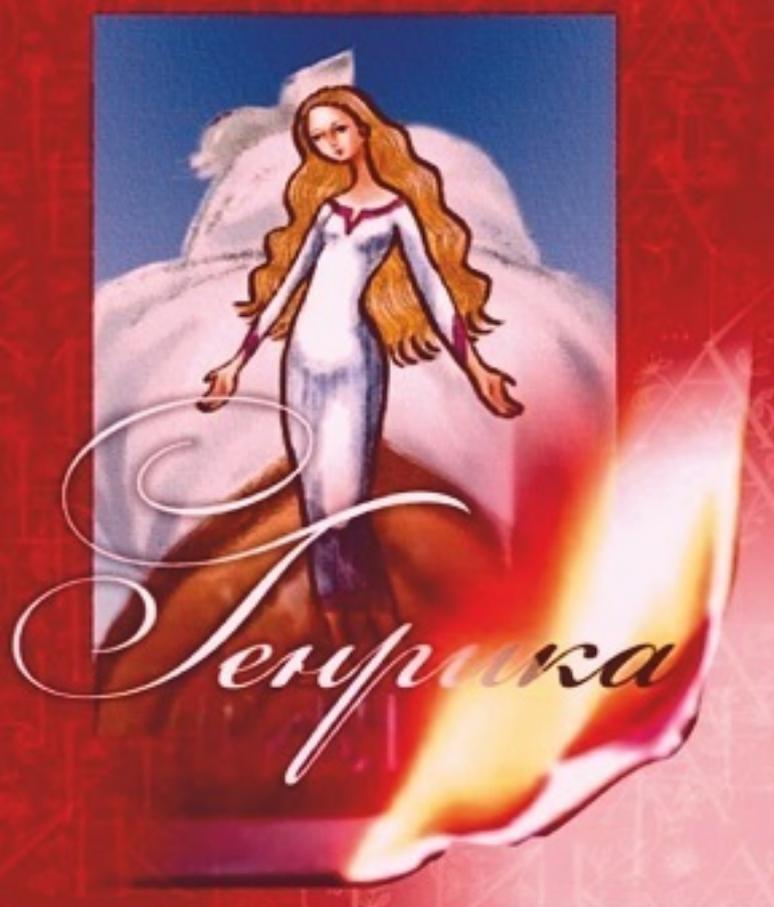

Василий Добрынин

Василий Добрынин
Генрика

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Добрынин В.

Генрика / В. Добрынин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Али Рокшанек, Генрика, Алёнка, Елена – четыре имени, четыре судьбы, четыре эпохи. Александр Македонский-Великий потерпел поражение в Индии; четыре пушечных ядра из орудийного жерла, в упор, в лицо, разорвали бессердечного Джона Шарки; мог ли стать человеком Осип Савинский, и почему не стал? Десница Фемиды настигла Сенеку, могла бы и не... Почему? Об этом книга «Генрика».

Василий Добрынин

dobrinin58@mail.ru

Али Рокшанек

Новелла

По мотивам писателя Василия Яна

«Скала Согдианы» – единственная неприступная для Александра Великого крепость. Дочь Оксиарта, прекраснейшая среди невест Бактрии и Великой Персии, жаловалась, показывая вокруг:

– Они счастливы тем, что живут в этих стенах...

– Крылатых воинов нет, – отвечал Спитамен, – и растоптавший пол-мира воитель сюда не поднимется. Они это знают, поэтому счастливы.

– Неприступность, и счастье, не совместимы... – вздохнула дочь Оксиарта, – Не думал об этом? Мне скучно. Я хочу повидать весь мир, а останусь здесь, в этих каменных стенах, с мальчиком, который смотрит восхищенными глазами. Ждет, когда меня отдадут ему в жены.

– С ним, Рокшанек, ты будешь счастлива – пожал плечами Спитамен.

– Почему так считаешь, даже не зная о ком речь?

– Смотрит восхищенными глазами – значит он не испорчен страстью к войне и наживе.

– А о другом что скажешь?

– А с тем ты получишь то, чего хочешь.

– Ты знаешь его?

– Его знают все, и он уже близок. Вон... – показал Спитамен рукой вниз, – Он стремится в одной руке держать Запад, в другой Восток. Он будет воевать и гнаться за наживой до тех пор, пока не покорит весь мир и все народы. А покорив, с такой же страстью поведет войну против леса, снегов, рек и диких зверей. Повидать весь мир – это с ним. Он тебе нужен, Рокшанек!

– Но у него нет крылатых воинов, мы даже не встретимся. Я неприступна, сам говоришь...

– О неприступности сердца не говорю...

– Он враг... – попыталась Рокшанек смутить Спитамена.

– Враг. Но – именно тот мужчина, который может тебя провезти через дальние страны, до места, где небо сходится с землей. При этом тебе будут заплетать волосы, и растирать тело душистым маслом и оказывать царские почести.

– Или женщине льстишь, или счастья желаешь врагу, Спитамен...

– Просто, я справедлив, а ты получишь то, что хотела.

– А ты? – перебила, капризно кусая губку, Али Рокшанек. Откровенно ей симпатичный мужчина, так холоден с нею...

– А я, -улыбнулся он, -надеюсь на то, что воинственность моего врага, потускнеет в паутине твоей любви.

Слова походили на шутку, не нравились, но убеждали: Спитамен в сравнении с каждым из тех, кого подбирали Рокшанек в мужа – мужчина незаурядный, умный, отважный...

– Почести и при тебе получу, мне их будет довольно...

– Я к ним не жаден, почести и удовольствия губительны для деятельного человека. А пол-мира у ног и высокая роскошь – только к нему, только с ним, Александром Великим! Тебе нужен он, Рокшанек.

– А ты не хочешь меня, Спитамен?

– Не хочу, – даже не смерил он взглядом красавицу.

«В паутине моей любви...» – затаила обиду Рокшанек, и тихо, без тени вражды, спросила:

– Мы увидимся, да, Спитамен?

– Если наши слова не развеет ветер, встретимся. Но, скорее всего, ты увидишь голову, ведь я Александру не нужен...

Он отвернулся и уходил не прощаясь.

– Спитамен, – хотела она, чтобы он услышал, – буду помнить тебя и хранить надежду...

«Обидел ее...» – задумался Спитамен, покидая Рокшанек и «Скалу Согдианы». Зачем неприступность «Скалы», если он ищет встречи, а не спасения? Проигравший свой мир Искандеру Двурогому, не станет он доживать свои дни в осаде, в углу, за спасительной толщей каменных стен. Не в подобном спасении счастье, а в смерти – когда она хоть кому-то во благо...

Пыль оседала. Всадник долго осматривал мир. По плечам пробежала тень одиноко парящей птицы. Он оглянулся вслед, поймал взглядом хищную птицу и долго-долго не сводил с нее глаз, до тех пор, пока не растаяла в небе черная точка. «Тенью прошла и растаяла в небе...» - оценил Спитамен. Вчерашнее горение души отзывалось сегодня горечью. Народ, за гордость и волю которого всегда был готов умереть Спитамен, не жаждет этого. Народ согласен жить на коленях, но в мире. Воин готов купить мир у Двурогого, а не защитить свой собственный...

Выскользнув из седла, Спитамен покатился в траве, крича про себя, без голоса, небу, земле: «Прощай мир!» «Откуда, – не знал он, – откуда такая тоска?» Парящие птицы беззвучны, мир сохранил тишину, не заметив тоски Спитамена...

Вчера «Скала Согдианы» была неприступной, но сегодня македонские воины торжествуют в поверженной крепости. Не умея летать, они и не стали смешить защитников высочайшей твердыни. Но атаковали не как муравьи, а сделали это как птицы – с вершины Скалы Согдианы. Александр выбрал наиболее опытных воинов-скалолазов, назначил награду каждому, по степени первенства, поднявшихся на вершину. Многие сорвались, но к рассвету на вершине скалы, над крепостными стенами, блестели доспехи воинов-Александра. Сверкали мечи, и торжественный глас покорителей падал на плечи защитников крепости. Указав на них, Александр требовал немедленной сдачи. Твердыня пала: неприступность для приземленного хищника, бессильна перед натиском хищной птицы.

Плененных начальников и вождей Александр велел бичеванием гнать к подножию, вниз, и там подвергнуть распятию. Граждан, среди которых были Рокшанек и рядовые защитники, приказал дарить в рабство, великодушно оставив им право жить. Поштучно перебирая каждого из убывающих в рабство, чиновники Македонского – слуги и паразиты порочных страстей войны, отбирали красивых и юных женщин...

Порочные страсти войны, о которых говорил Спитамен, требовали женщин для победителей, и Рокшанек уже не могла даже думать о скуке. В числе тридцати самых красивых пленниц, ее ввели в зал пирующей царской свиты...

Ветер, безликий, бесчувственный и вездесущий, унес слова Спитамена в даль, где они скоро будут забыты. Вместо скучной любви, судьба наделяла Рокшанек зловещим подарком – мучительной смертью в любовном экстазе врага...

Александр Македонский

– Я привез тебе мир! – торжественно объявил Детаферн, опуская к ногам Александра мешок.

– Нельзя его привезти, – возразил Александр, – я получу его сам, когда возьму в руки голову последнего врага.

– Именно так, – подтвердил Детаферн, наклоняясь к мешку.

«Рты разинули!» – наблюдая, с каким любопытством кинулась свита увидеть мир в мешке Детаферна, содрогнулась жена Александра, царица Роксана. «Спитамен...» – подумала вдруг она о гордом мужчине, которому, зная его чуть больше часа, готова была покориться Али Рокшанек – красивейшая среди невест. Царица иначе, но лучше царя, знала величайшего из его врагов, и знала о тайном, спонтанном желании юной Рокшанек, покориться тому человеку.

Он мог бы ее, как любую из тридцати красавиц, взять силой. И сделал бы так, но в это время умирала, или только что умерла, женщина, которую он не сумеет, даже если захочет, быстро забыть. Хрипели от удовольствия стражники, поочередно вторгаясь в истерзанную, кровоточащую вагону юной смуглянки. Александр дал волю на это, на все, что угодно мужскому буйству и обязал сопроводить смерть красавицы невыносимой болью. Плата за отвагу и страшную тайну женского чувства, неразгаданную царём. Усладив его тело любовью, юная женщина вынула золотую заколку из длинных волос и ударила в царское горло. Стража вовремя перехватила руку...

«Думал, – признался царь, прижимая пальцами неглубокую рану на шее, – она меня любит, а она мечтала убить Искандера Двурогого...». «Бедняга – скифянка, а Искандер – враг её отечества», – напомнил Придворный мудрец Каллисфен. «Покоренного мною отечества!» – уточнил Александр Великий. «Мир покоришь, но умрешь несчастным, если женщина, будет грозить тебе в горло заколкой, вместо любви...» – не смутился мудрец Каллисфен.

Он прав, но в разгаре пир в честь взятия неприступной «Скалы Согдианы». «Не будь расторопной стража, умри Александр – не пала бы крепость, не было пира, и...» – задумался царь и потерял ход мысли – взгляд выхватил в широте увлеченного пиршеством зала, обнаженные плечи одной из пленниц.

– Её! – указал он пальцем.

– Али Рокшанек, дочь... – с почтением доложили царю, царь отмахнулся:

– Неважно, чья дочь!

Стража вострила уши, зная непредсказуемость женской руки. «Завтра, – гадала стража, впечатленная красотой свежесобранной девушки, – или же послезавтра, получим на растерзание?» Должна получить: пленница – та же скифянка, дикарка, из тех, что могут убить человека, и даже царя, не признав его власти. Стража напрасно вострила уши...

Он поставил в тупик соратников, стражу и мудрецов, смутил Гефестиона. Александр напомнил о том, что он смертный и заявил о любви. Не осуждая вслух высочайшей воли, однако, в царском кругу сочли неприемлемым имя избранницы, и на другой день Али Рокшанек проснулась Роксаной – невестой царя.

Свита признала: такая свадьба – правильный политический шаг Александра. А скифы, персы и варвары высоко оценили выдержку, честь и желание Двурогого Искандера сохранить человеческий облик. Любовь добивается большего, чем беспощадный меч: мир воцарился в захваченных землях и Александр, свита и войско, предались удовольствиям. Восходила к зениту пора процветания. Лишь Спитамен, непримиримый враг, бросал тень на поляну всеобщего благополучия...

Мир из мешка Детаферна

– Я принёс тебе мир, повелитель! – заявил Детаферн и расправил мешок.

– Зачем приносить мне то, что я завоюю сам?

– Это не то... – Детаферн стусевался.

– Мир в мешке! – усмешка скривила губы Александра Великого. – Но, – указал он жестом ладони вверх, – показывай...

Волнуясь, Детаферн запустил в мешок непослушные руки, и вынул оттуда персидский башлык. Затем, держа за волнистые волосы, высоко, выше глаз, поднял голову, мертвым лицом обернув к Александру.

– Кто это? – спросил Александр.

– Спитамен!

– Ты прав... – помолчав в смятении, признал Александр, – Прекрасная голова!

– Щит Дария меркнет в тени головы Спитамена, царь! – с отвагой солдата заявил Детаферн.

Отвага, ему несвойственная, разыграла лишь потому, что он видел смятение Александра, но царь не одернул.

– Он искал встречи со мной, – взял себя в руки Александр Великий, и церемонно обратился к мертвой голове, – рад встрече! Жаль, – обвел взглядом круг очевидцев, – не смогу эту голову долго возить как прекрасный трофей, как щит Дария... Лисипп!

– Я здесь, Александр! – отозвался великий скульптор.

– Сможешь вылить из бронзы такую же точно?

– Сделаю точно такую!

– Значит, он больше тебе не грозит – отвернувшись, спросила Роксана.

– Как? – ответил, смеясь Александр, – Без головы?

Видя, что она не смеется, признался:

– Спитамен – не хитрый лис Дарий. Отважный, доблестный, умный – самый яркий огонь в тьме моих врагов. Он боролся со мной до конца, и остался верным своей борьбе и народу, за который страдал. Последний, но первый из тех, кто нанес поражение мне. Лучшие полководцы: Менедем, Каран и сам Андромах – разбиты им.

Александр притянул гибкий стан Роксаны, обнял и закрыл глаза, ожидая касания губ на своей щеке.

– Не сейчас, – отстранилась Роксана, – прости...

Не развеял бесчувственный ветер слова Спитамена о встрече. Встретились. И надежды умерли... Упала на плечи тень одиноко парящего в небе хищника. «Я справедлив...» – говорил Спитамен, обещая – Рокшанек получит всё, до самого края земли, пограничного с небом.

Взгляд, скользнувший за тенью парящей птицы, наткнулся на спину идущего прочь человека: великий скульптор нес в мастерскую мешок с головой Спитамена... *(*Мраморная «Голова умирающего перса в башлыке», ныне хранится в Риме, в музее Термы)*

Детаферн получил свою долю славы и денег за то, в окровавленном, грубо тканном мешке принес мир. Обрюзгший, мелкий умом хитрец, он – полная противоположность Александру. Царь царей – дитя спартанского воспитания. Личную храбрость воина и пронизательный, гибкий ум полководца, знал и ценил в Александре каждый солдат его армии. Равный с солдатом перед холодом смерти и пламенем битвы, Александр делил с рядовыми все: от ночлега в палатке, в плаще под открытым небом, до тризны. Он знал всех поименно в своем многотысячном войске. Равный, он все-таки был среди равных лучшим! За это его любили, в этом был ключ к победе.

Не воин, но великий царь

Гефестион был первым из тех, кто стал падать ниц перед царским тронном. Это был трон великого Дария, которому персы, от приближенного, до последнего, падая ниц, целовали ноги.

Александр, занявший высокое кресло великого перса, мог бы одернуть: «Дружище, Гефестион, поднимись. Я не перс, а мы, воины – кровные братья. Мы оба равны перед богом и солнцем!» Но не одернул. Жест почитания Гефестиона был добровольным, царю понравился, и новая церемония стала священным долгом.

Не был бы первым Гефестион, если бы не Роксана...

На празднествах, пиршествах, переходящих из одного в другое, нескончаемых после гибели Спитамена, Александр восседал на троне, где до него восседал персидский царь Дарий. И ему, как Дарию, персидские сановники, сограждане Роксаны, целовали ногу. Роксана нашла в этом несправедливость.

– Почему же тебе Александр Великий, – спросила Роксана, – не кланяются твои македонцы? Разве все македонцы избранники богов? Только ты – единственный сын бога. Если они не станут тебе поклоняться, то один из них захочет захватить твое место.

Не был бы первым в поклонах Гефестион, если бы не Роксана, которую он полюбил непорочной и страстной любовью брата. Любовью смертного к привлекательной юной богине, земной от рождения. В пол-ногтя мизинца не было и не может быть поползновений к телесной любовной связи, да только желания, мысли, капризы прекрасной Роксаны, священны для Гефестиона...

Александр ответил Роксане, что он среди равных, равный, Гефестион знал, что все так, но он слышал... Роксана сказала, и Гефестион первым, за ним все другие греки и македонцы стали падать ниц перед Александром по персидскому способу и обычаям.

Он ведь не знал, что смертью врага Спитамена обрезан лучик любви в душе бывшей Али Рокшанек. В пустоте горьким мёдом бродили желания: пол-мира, весь мир у ног, и, конечно, царские почести. Что оставалось красивой женщине с опустевшим сердцем...

«Уже не воин, но великий царь...» – горько усмехнулся Каллисфен, наблюдая падение греков и македонян к стопам царя Александра.

Каллисфен, племянник Аристотеля – в числе самых близких из приближенных к царю. Гражданская честь и просвещенный ум Каллисфена очень нужны царю и великому государству.

– Мы с тобой, – говорит Александр, – стоим на одной высоте перед всем человечеством. Меня любят и уважают за то, что способен грозить всему миру; а ты не способен грозить никому, но людям нужны твои ум и честь.

Каллисфен, на тему высоты перед всем человечеством, не отвечает.

– Почему? – спросил Александр, – Ты не рад всенародной любви и равенству с Македонским?

– Это погубит меня.

– Каким образом?

– Не знаю, но лучшим образом погубить человека нельзя.

– Не понимаю... – правда, не понимал его царь.

Проблема возникла не в том, что Александр не понимал, а в том, что Каллисфен не стал падать ниц перед троном царя Александра. Факт очень плох тем, что будет замечен другими. Александр хмурился.

– Каллисфен, это мой триумф! – указал он на отлитую только что, ещё не остывшую бронзу, – Голова Спитамена, щит Дария – величайшие вещи в груди моих трофеев!

– Не могу, Александр, ни Дария, ни Спитамена, внести в число побежденных тобою...

– Дерзишь! – не согласен царь.

– Ни тот, ни другой, не убиты тобой, и не взяты в плен...

– Разве то, что мой враг был убит своими, не делает чести мне?

– Не вижу чести... Дарий убит приближенным, что могло делать честь, как признание твоего превосходства. Но не делает: Дарий убит приближенными лишь потому, что убить повелителя и получить все сокровища сразу – выгодней, чем храня повелителя, получать из сокровищ пригоршни. Твой враг убит жадностью собственной свиты.

– Но, Спитамен?

– Еще хуже! Не герой Детаферн, а посредник в презренной сделке! Ближайшие люди, опора отважного Спитамена, предательски закололи его... Женою убит Спитамен?

– Насколько я знаю, так...

– Народ, за гордость и волю которого был готов умереть Спитамен, согласился жить на коленях. Вожди, ратники, чернь Согдианы, купили мир у тебя. Или ты мне докажешь, что это победа?

– Один из нас творит мир, другой мудрствует в тени моих свершений. И все лишь затем, чтоб оправдать непочтение к трону царя Александра! Мне, – с нажимом сказал Александр, и показал на солнце, – кроме него, смотреть больше не на что: весь мир покорен! Я всюду найду свою тень, а, – скользнул царский взгляд по ногам, не целованным в знак почтения, – а нужен ли мне философ?

– Твоя воля. Но в почестях и удовольствии, царь Александр, ты теряешь себя и свой ключ к победе.

Пир Александра и правда, которой нельзя доверять

Мараканда*(**Ныне Самарканд*) стала центром мира. Царь пировал, и ему целовали ноги. Подданным оказалось нетрудно пасть ниц и коснуться губами царских атласных туфель. «Я, – с высокого трона наблюдал муравейник подданных царь Александр, – подарил вам весь мир! Он под ногами. Целуйте ноги!» Мир под ногами – да кто не признает этого от Македонии до самой Индии?

– Каллисфен! – кулак Александра ударил в блестящее золотом блюдо, и объедки влетели в лицо человека, сидящего рядом с царем.

– Ничего... – отозвался тот, утираясь...

– Каллисфен! – кричит стража, разыскивая философа.

– Приветствую, царь! – поклонился, предоставленный стражей к царскому трону, мудрец. Хмельной Александр взглядом быка, взбешенного непокорностью самки, впивался в лицо Каллисфена. Теряя терпение, шевелил ступнями, обутыми в золотисто-атласные туфли. Каллисфен, остро чувствуя: чаша терпения вот-вот сорвется вниз, не придал значения ерзанию и шевелению пальцев в туфлях ...

Зловещая тишина обездвижила буйный, пирующий зал...

Миротворцем стала жена Александра.

– Не надо... – попросила Роксана, – Пусть свободный, мудрый и честный гражданин, не желает выразить царских почестей своему господину, но пусть поведаст миру о делах господина. Пусть мир сам увидит, чего ты достоин.

– Пусть... – неожиданно мягко сказал Александр. И тут же спросил Каллисфена, – Знаешь, о чем эта женщина спрашивает меня под утро? «Почему ты неходишь в Индию?» Я отвечаю: страна прекрасна, но войти в нее – вовсе не то же, что войти в твоё лоно. Мой поход в Индию – не в интересах моей женщины. Почему? Можешь ей объяснить, мудрец?

– Я не слишком близка, – осторожно признала Роксана, – и чего-то не вижу, не понимаю в моем Александре...

– Слишком близка, – возразил Каллисфен, – и знаешь, что Македонский не ходит по миру иначе, как покоряя его. Это значит, что в новой стране, а она прекрасна, он найдет себе новую женщину. Он честен перед тобой, Роксана: покорение Индии – не в твоих интересах. Тебе более всех в этом мире, выгодно, чтобы Александр остановился.

«Воинственность моего врага, потускнеет в паутине твоей любви» – окунулась Роксана, как в утренний холод дворцовых бассейнов, в слова Спитамена...

Александр, не зная этого, великодушно простил мудрецу его дерзость:

– Возьми, – протянул царь тяжелый, серебряный скифский кубок. – Я не просил бы рассказывать обо мне. Не интересно мне о себе самом слушать. Но просит Роксана, и я согласен: пусть слышат другие и сами решают, а я посмотрю на себя и свои дела со стороны. Мы обязаны, – как утверждаете вы, философы – видеть себя со стороны. Выпей, Каллисфен, а потом обернись к народу и открой ему правду такой, как ты сам ее видишь. До дна осуши мой кубок и говори без оглядки. Будь справедлив. Я молчу, Каллисфен.

В тишине, не естественной пиру, похожей на предгрозовую, Каллисфен вернул пустой кубок.

– Мой царь Александр прав, – сказал он, – каждый способен ошибиться, недооценить себя, поэтому пусть о нем скажет тот, кто лучше других знает цену и смысл им сотворенного. Сердце воина Александра отважно и беспощадно, но открыто любви и способно быть преданным, верным, заботливым. Он чтит человека, оставаясь-царем, гражданином и мужем. Время затянет раны полей, где пролита кровь победителей и побежденных. Но меч Александра, посеявший смерть, принес мир в Азию, раздираемую междоусобицей до вторжения. Теперь две великих культуры открывают себя друг другу. Этот добрый великий процесс обещает быть долгим и плодотворным. Европа и Азия преисполнены светлых идей и прекрасных порывов. Наука двух цивилизаций получит бесценный дар, а народы – благополучие и процветание. Я сказал много, однако не все – ведь Александр не утратил духа, не исчерпал себя...

Роксана слушала речь в переводе с греческого. Видя, что Александр доволен, спросила:

– Действительно, он о тебе сказал правду?

– Да. Он сказал только правду.

– Но он же хвалил тебя. Нельзя доверять такой правде!

– Нельзя хвалить Александра?

– Нельзя доверять такой правде, – повторила Роксана.

Философ с опущенной головой удалялся от трона.

– Каллисфен! – окликнул его Александр., – Нельзя доверять твоей правде!

– Неправильной правды нет, Александр, – ответил философ. – Но она может быть неполной, невидимой, как обратная сторона луны.

– Ты удостоил меня половиной правды?! – грозные нотки пронизали голос царя

Философ остановился:

– Я честно признал, что сказал не всё, потому что ты не всё сделал...

– Это софистика, а я хочу ясности. Пусть не дано мне увидеть обратную сторону луны, но оборотную сторону правды, я хочу знать. Уважай мою волю, вернись и продолжи!

– Вернись, Каллисфен, хотим тебя слушать... – пьяная злость поддержала царя.

Философ покорился всеобщей воле. Александр наполнил и вновь протянул ему тот же, серебряный скифский кубок.

– Наше вино ему кажется горьким... – наблюдая как тягостно долго опустошается кубок, сказала Роксана.

Но вот Каллисфен опустошил свой кубок и опрокинул вниз. Слетели последние капли вина.

– Ты не мог не быть победителем, Александр!

Опережая мысль мудреца о единственном сыне богов и дежурное обожествление мужа-царя, разочарованно усмехнулась Роксана, вздохнула толпа, а Македонский насторожился, посвоему зная философа...

– Твой отец, царь Филипп объединил Македонию и Грецию, создал армию, ввел успешную форму правления в государстве. Он сделал все, чтобы кто-то другой, полный ума, сил и задора еще не растроченных лет, повернул лицо на восток. Заслугами, волей, талантом царя Филиппа, идущий за ним был уже обречен на победу. Им, Александр, мог стать только ты, отважный всадник, укротивший строптивого Буцефала, достойный сын вождя Македонии.

Недоверчивая улыбка тронула губы Роксаны. Царю и толпе, интересна мысль мудреца, но развязку закажет Роксана.

– Славой великих побед и завоеваний, – продолжал Каллисфен, – был выбран ты, Александр. Но первое, что как военный начальник и царь ты сделал – выжег сердце Эллады (**Фивы*) и Персеполь. И ничего не построил до нынешних пор. По великим просторам прекрасной земли, ты провел за собой огонь и посеял лишь разрушения. Ты уничтожил две древних культуры: Сидона и Тира, культуры других побежденных тобою народов. Потомок эллинов, ты искореняешь греческие традиции в войске, в быту своих граждан. А себя окружаешь сановниками из побежденных персов, не замечая, что сам покоряешься им, перенимая их роскошь и лесть. Улыбка печали ложится на лица воинов, от того что ты, на персидский манер одевая себя, заставляешь теперь целовать тебе ноги... Лучший среди равных, теряешь равенство, Александр. А это ключ...

– Довольно!

Пирующая знать затаила дыхание, в на улице прозвучал плач младенца. Тишина воцарилась предчувствием крови в кругу онемевших людей.

Александр пружинисто спрыгнул с трона, приблизился к Каллисфену.

– Слово философа дорого стоит, не так ли? – ладонь опустила, сжала рукоять меча. – Но крови не будет – я не хочу. Я стал вдвое сильнее. Я увидел обратную сторону луны, выслушал правду, знаю, кто я, и знаю истинное отношение Каллисфена ко мне. А приходилось тебе, Каллисфен, платить за слова, когда они дорого стоят? – дрожала ладонь Александра на рукояти меча.

Каллисфен не смотрел в глаза Александра, не шелохнулся, не поник головой.

– А я позабочусь, чтобы платил, – пообещал Александр, – уведите его!

Время шутов и жонглеров

Мужество Каллисфена не восхитило царя. Разве что, вспоминая философа, он мог задуматься: чем же Роксане не нравится царский философ? Она же видит: философ честен и справедлив...

Спроси Александр, Роксана призналась бы: прав Каллисфен. «Роксана тянется к свету почести и удовольствий, – считает мудрец Каллисфен, – для тебя этот свет, полководец и воин, губителен!»

Так сказал Спитамен, которого слышали только Рокшанек, ветер и крепостные стены, но философ, пронизательный и свободномыслящий, говорит публично.

Правда опасна – знает Роксана. Ей непонятно, почему об этом совсем не подумал философ?

С того дня Каллисфена никто не видел. В надежде, что Александр не берет своих слов обратно, опасения царицы Роксаны на помилование Каллисфена, затихли, как воронки случайных течений в омуте. Зачем Каллисфен? Превратить Александра-царя, в Александра-воина? Роксане не нужен воин, ей нужен царь!

Глупости, шум и веселье – лучшее средство затмить освещенную дерзким философом обратную сторону правды, и Роксана умело и щедро наполняла дворец жонглерами, танцовщицами и шутами.

Царь, его свита, гости, толпа и даже воины, предавались зрелищам, отдыху и удовольствиям, забывая правду, достоверно и просто развернутую Каллисфеном. А философу выпало вдоволь насладиться свободой и чистотой, которых не было прежде.

Он жил под открытым, свободным и чистым небом, в звериной клетке. Может и не были горькими, как посчитала царица Роксана, последние капли налитого царской рукой вина, но

они были последними. Под солнцем, без крыши над головой, только воды Каллисфен получает вдосталь: дождливые тучи щедры, и, исключая крышу, не знают границ или царской воли. А крыши над плешью философа нет...

Гефестион не сдержался первым:

– Когда же, – спросил он Александра, – твоя высочайшая воля разрешит нам помиловать Каллисфена? Разве он не сполна заплатил?

– Не думал об этом. А что говорит он сам, о чем просит?

– Просит только папирус, чтобы описывать славу твоих походов.

– Папирус?! Давайте папирус, пусть пишет.

Через полгода, царь вспомнил об этом:

– Много ли написал Каллисфен? Есть что еще сказать?

– Написано много и есть что сказать. Но он обовшивел и умирает...

– Он не говорил о прощении?

– Нет. Сказал, что прощения будет просить у бога, но никогда – у тирана.

– Я не бог, – Александр пожал плечами. – Как могу я простить Каллисфена?!

Поклонись базилевсу!

Неизвестно, в супружеском ложе или иначе, побуждает Роксана к походу в Индию... Может, ее побуждения для царя ничего не значат? Войти в лоно жены, или в Индию – он решит сам?

Но присутствие этой женщины в ложе и судьбе Александра, направляет взор великого завоевателя в сказочно-богатеишую Индию.

Не только новую этику, полную блеска и почитания, не только танцовщиц, шутов и жонглеров, внесла в жизнь в жизнь Великого Александра, царица Роксана. Скифы, персы и варвары высоко оценили выдержку, честь и желание Двурогого Искандера сохранить человеческий облик – жениться на пленной Али Рокшанек. Множество родственников, знатных и рядовых, и просто людей, оценивших сына бога с человеческим сердцем, окружали теперь Александра. Союзники, которых он не ожидал... Они знали Индию, говорили о ней, как о стране, полной розовых грёз, с чудесным климатом и неистощимым обилием золота и драгоценных камней.

Скифы были последними, с кем Александр говорил о походе в Индию. Роксана, зная о скором прибытии их многочисленной свиты, не скрыла тяготивших ее сомнений:

– Каллисфен развенчал тебя, а ты не ответил. Спрятал его, а кажется – спрятался сам! А скифы прямолинейн. Ясный ответ, однозначный поступок – такими я знаю скифов. Хочу, чтобы ты понимал, как будешь выглядеть...

– Я предоставлю мудреца Каллисфена всеобщему взору! – понял её Александр.

– Ты же, – припала Роксана к груди Александра, – сын бога, единственный, здесь и на небе... Я помню об этом, сейчас и всегда. Но так должен думать каждый...

– Будут, Роксана. Мы убедим: Каллисфен и я!

В осушении бассейне дворца, идет суета. Не в торжественном зале, а под открытым небом, собрал Александр свиту, гостей, солдат и свободных граждан. По правую руку от Александра, расположились скифы. Горячий от солнца песчаный круг в обрамлении каменных стен бассейна, похож на арену и будоражит предчувствием зрелищ. Непросто царю удивить обыва-

теля, сытого блеском, танцами и шутовством двора. Но, как всегда, Александр непредсказуем, и тихая, праздная болтовня, суeta в рядах публики замирают, сменяясь тревогой. Из глубины дворца прокатился к арене грозный звериный рык.

Тишина, та же, мертвая, увенчавшая последнюю речь Каллисфена, вернулась, сковала публику. Запряженные мулы, выкатили к середине арены повозку с клеткой. Испуганный возглас, сквозняком пролетел по кругу. Человеком, который поднялся и вышел из клетки, был Каллисфен.

Изможденный, в косматой, всклокоченной, грязной гриве волос, он старался как некогда, гордо поднять и удержать подбородок. Обнаженный, худой и косматый, не показался он жалким, а походил, может быть, на иссохшего, изможденного ранами, льва.

Ему кинули плащ. Он подобрал с достоинством и надел на себя.

– Поклонись базилевсу! – крикнул старший слуга Роксаны.

В ответ Каллисфен поднял руку, протянув ее солнцу, а, может быть, тем, кто сверлил его в этот миг глазами. И отвернулся, одинокий, непримиримый...

Из дворцовой утробы, внизу, по земле, прокатился, взвихряясь вверх, обволакивая трибуны, звериный рык. Загремело железо цепей, вверх поползли решетки, открывая выход к арене. Над коридором нависли слуги, раскаленным железом и жалами дротиков, выгоняя к арене жестокого зверя. Пахло паленой шерстью.

Человек на арене сжимал в руках свитки. На арену вылетел лев. Ослеп на солнце, тряхнул головой в безумии от жгучей боли и возбужденных флюидов толпы, нависающей сверху.

Прокатился, меняя угрозу на стон, повторился звериный рык. Пробежав вдоль по краю каменной западни, лев споткнулся, сел, и устался на Каллисфена.

Каллисфен. обратился к солнцу, которое уходило с неба.

– К тебе, лучезарный Феб, создающий свет правды, к тебе, величайший из просветителей, я, свободный искатель истины и мудрости, обращаюсь с последним словом! Я ухожу из этого мира, где призывал людей выше всего любить свободу, правду и точную истину. Что мог мне сделать тиран, требующий поклонения, равносильного поклонению солнцу? Я рад, что способен послать свой последний привет, тебе, солнцу; что даже плененный и помещенный в клетку, я сохранял гордость свободного ученого, мыслителя и поэта. Мои мысли, моя бессмертная душа, сохранятся в моих записках, переживут меня, и переживут очень многих царей!

– Поклонись базилевсу! – опять прокричали сверху.

– Пришел день, – продолжал, игнорируя крики, философ, – день, который свернет в моей жизни последний свиток. Но дух мой сильнее, бессмертное тела, и он улетит далеко за пределы небесных светил, и будет недостижим воле великих и мелких тиранов. Моя слава переживет меня, пусть лишен я отечества, дома, друзей. Отнято все, что может быть отнято, но мои дарования здесь, со мной. Тут кончается власть, которая может быть в этом мире.

Александр рассерженно глянул на распорядителя зрелищ. Тот крикнул что-то рабам и во льва полетело копье. Лев сделал первый прыжок. Второй прыжок сбил Каллисфена. Лев раздавил страшной пастью светлую голову человека. Он рвал в куски грудь и лицо, и, рыча, жевал мясо.

Восторгом горело лицо Роксаны. Это была не Али Рокшанек – Роксана, жена царя. Колыхаясь движением тела, блистали радужные волны ее драгоценностей и украшений. «Мир, – подумал о ней Македонский, – покорят герои, а достанется он таким, как она: ничего в этом мире не значащим, не представляющим ничего».

– Гефестион! – позвал Александр, придя в себя после короткого оцепенения, – Рукопись, – указал он на разлетевшиеся по арене свитки, – сохранить! Пусть знают, что Александр велел сберечь труд Каллисфена потомкам. Внимательно перечитать и размножить! Он осуждал меня?

– Нет, он восхвалял тебя!

– Позаботься, – закрыв глаза, попросил Александр, – Каллисфен заслужил бессмертия...

Слуги-персы, и эфиопы-рабы, добивали льва, вонзая короткие копья и длинные пики в него, уже красного от лучей уходящего солнца и крови. Омраченное кровью, нелепым восторгом и дикостью нравов, удалялось небесное око.

Тускнеющий солнечный луч, проник в мастерскую Лисиппа, скользнул в бронзе печального лика и отразился в гладких орбитах пустых глазниц. Смерть Спитамена не стала бессмысленной – она сохранила жизни тысяч мужчин, переставших воевать с македонцами, а их женщины, дети, не стали военной добычей.

Небесное око могло бы поведать о новом свершении Александра-завоевателя, но вряд ли оно изумило бы Спитамена. Он справедлив: «Получишь с ним всё, что хотела» – сказал он Али Рокшанек. Разве не прав? Счастье он видел с мальчиком, не испорченным страстью к войне и наживе, а не с Александром-завоевателем...

Не изумила бы Спитамена судьба мудреца. Мысли борца и философа параллельны: тиран обуздает толпу, народ, и народы. Уничтожит их нравы и общество, подавит желания и убьет мечты. Он властен над всеми, но скатится к низу своих желаний. Легко укротить народы, с собой совладать невозможно...

Нравственное падение повлекло лавину, выскользнул, потерялся в ней ключ победы. Отдав на съедение мудрость, Александр Великий проиграл поход в Индию.

Не могло быть иначе: не воин, отважный духом, равный солдатам и лучший из равных, вторгнулся в Индию, а вельможа в атласных туфлях. Падали ниц, целовали атласные туфли греки и македонцы, а с высоких спин боевых слонов, взирали на них и крушили фаланги противника, воины великого раджи Пора.

Генрика **Короткий роман-трагедия**

По мотивам Конана Дойла
Корабль уходит в пучину

Бой подарил людям Шарки чудесное настроение. Торговое судно побывало в когтях абордажных крючьев. У высокой мачты, на палубе победителя выростала гора добычи. Цену подсчитывать небу, которое примет души убитых, а победители, еще не остывшие от кровавой драки, на плечах и за пазухой, или в четыре руки, носили и сбрасывали добычу. Разворачивались, встряхивали руками, и уходили за новой поклажей.

Со следами боя, на лицах, руках и одежде, стояли вдоль борта пленные, а побежденный корабль прощался с миром. Хлопнула глухо из трюмов у самой воды, петарда. Как в жадное горло, в пробитую взрывом дыру, хлынула вода океана. Расцепив жадный прикус, слетели, упали с грохотом на свою палубу, абордажные крючья хищника. Живых и добычи не оставалось на тонущем корабле.

Последний сундук, и охапка, – детали сервиза, кальян, серебро, увенчали рукотворную гору добычи.

– Ну вот, – кивнул на неё капитан, обращаясь к пленным, – вот все, что от вас было нужно! А посудина нам не нужна!

Посудина, раненой птицей, припала на бок. Печально и быстро корабль погружался в пучину. Последней памятью, безголосым криком в устах океана, вскрутилась воронка. Корабль исчез.

Шарки

– Но ведь, – прошелся вдоль строя пленных капитан Шарки, – И вы не нужны... Клянусь богом, наша компания вам не по душе вам! Гляньте! – брезгливо обвел он взглядом свору своих людей.

– Так ведь? – остановился он перед пленным, которому кровь грубой сабельной раны, мешала видеть и говорить. – Конечно же, так! – взгляделся в его лицо Шарки. – Ну вот... – собрался он пойти дальше, но лицо его вдруг посветлело. Улыбка скользнула по тонким губам.

– Крэд! – позвал он, показав рукой.

Крэд взял за руку, вывел из строя пленника, и подтолкнул к вещевой горе.

– За это спасибо, – поблагодарил капитан, – но, нам не по пути, господа! Мы здесь дома, а вы? Нужны ли нам гости? – задумался он.

И крикнул визгливо:

– Крэд!

В руке Крэда, на солнце сверкнул блеснул кинжал.

– Вы здесь лишние, – пояснил капитан, – а за бортом полно не обедавшей рыбы...

Крэд отеснил, прижал к борту пленника, запрокинул назад его голову, и без размаха, коротким ударом, всадил нож под ребра. Опрокинутый за борт, несчастный, полетел в океан.

– Счастливо! – сказал во след Шарки.

Рука Крэда легла на плечо другого пленника. Нож мелькал в руке Крэда. Летели тела в океан, вздымались фонтаны искрящейся красным, соленой воды.

Команда ждала, когда Крэд закончит. Глядела на гору добычи. Там было на что посмотреть!

Но главным сокровищем, жемчужиной вырванным из корабельной утробы, было не это. С лицом, побледневшим блее паруса или неба, смотрела в лицо ораве, женщина. Взгляды, как жаркие, жадные угли, плавил женское тело. Ужас и боль убиваемых мимолетны, а женщина обречена! Ей жить, умирая не сразу, в мерзком огне изошренной, изменной страсти безнравственных, падших людей.

– А, это новенький, ты! – рассмеялся пират, задетый плечом Копли Бэнкса, – Дружище, ты не шути!

Он глаз не мог отвести от пленницы:

– Ведь хороша! До чего хороша, новичок! А-ах, не повезло нам, и тебе, новичок...

– Почему?

– Слишком красива, Шарки съест её сам, не поделится с нами...

– Стой! – крикнул Шарки, и махнул рукой Крэду, – Так не годится, видишь?

Крэд обернулся. Капли крови скользнули с ножа на палубу.

– Он же худой, ты видишь?

Запрокинутый навзничь, через перила фальшборта, юноша, в больших руках Крэда казался подростком.

– Не годится, Крэд! – осуждающе покачал головой Шарки, – Какой прок с него там, – показал он вниз, – какой корм? Рыба над нами с тобой посмеется, Крэд!

Шарки приблизился. Полным сочувствия взглядом взгляделся в лицо обреченного юноши.

Надежда мелькнула там, загорелась...

– Ух-хух! – отозвался Шарки и потряс головой.

Снял с плеча юноши руку Крэда, тепло улыбнулся, положил на плечо юноши руку и, взглядевшись в худое лицо, сказал:

– Видишь, волнуемся. Подкормить тебя, что ли? А там, – да уж бог с тобой, видно будет, – что там... Как думаешь? – глянул на Крэда. И, хмурясь, как человек, подыскавший спасительный шанс, спросил юношу:

– А ты католик?

Юноша закивал. Губы дрогнули в слабой улыбке. Он позволил шутить над собой. И, чтоб не упасть – подкосились ноги – сделал полшага, вперед.

– Протестантом, видишь ли, Крэд, человек не стал. Не успел...

– Не успел? – удивился Крэд, и перекинул кинжал с правой, в левую руку. Он был готов сунуть его за пояс.

– Крэд, – задумался Шарки, – а нам нужны католики?

– Это Вам, – сказал Крэд, – господин мой, знать... – пожал плечами, сплюнул и отвернулся.

– Мы им не по нраву. И тем и другим. Мы ведь не люди – дьяволы, Крэд!

Крэд вздохнул.

– Ну, – предложил он, – не рыбу, а крабов кормить назначим!

– Верно! – одобрил Шарки, метнул руку к поясу, выхватил нож, и так же, как Крэд, вогнал его снизу, под ребра жертвы. Крэд, не медля, смахнул тело за борт. Прочертив на излете небо, упала на поручень капля горячей слезы.

– Счастливо! – услышав всплеск далеко внизу, спохватился Шарки и приподнял, церемонно шляпу.

Бэнкс

Псом, застывающим в стойке над верной добычей хозяина, должен был себя чувствовать Бэнкс. Его, как и всех, не интересовала судьба пленных мужчин. В прорехе испортого грубой, чужой пятерней платья пленницы, светлело незагоревшее, белое, как у всех, кто плыл в Новый Свет из Европы, тело женщины. Блеск жадных глаз на палубе, был готов потеснить даже солнце.

Пират Копли Бэнкс вывел взгляд из потока, и увидел глаза. Жажда горела в глазах пленной женщины, прикипевших к ножу в руке Крэда. Бэнкс перевел взгляд на руки Крэда...

Шарки взбодрился.

– Ну!.. – закончил расправу, и взглядом по кругу, обвел капитан свору своих подчиненных. Положил ладонь на эфес именной, прекрасной, испанской шпаги, сделал шаг всем навстречу. Взмахнул рукой, послал, как всякий пират, проклятие небу, и направился к пленнице.

– В чем дело?! – нарвался он на препятствие.

Перед ним стоял Копли Бэнкс. Рука дерзновенного Бэнкса, на плече пленной женщины.

– Хочешь сказать, что она за тобой? – изумился Шарки.

– Да.

Никто так не смел говорить с капитаном Шарки. Толпа отступила: дьявол отнял языки, в предвкушении зрелищной развязки...

– О-оо! – сорвалось с белых, тонких как змейки, губ капитана, – Ого!

Он вскинул ладони, ловя свет от солнца, потом уронил их на рукояти сабли и пистолета.

– Кто ты такой? – вплавился он в лицо Бэнкса взглядом блеклых по-рыбьему, красных глаз. – Неделю, как здесь, щенок! Первый бой, где себя показал...

– Показал, – согласился Бэнкс, – значит, пёс, не щенок. Первый бой может быть последним, а я... А у меня еще не было пленной женщины.

– Отважная ты, – поперхнулся Шарки, – скотина, Бэнкс!

– Скотина? – не боясь ни дьявола, ни самого капитана Шарки, возразил дерзкий пират, – Да нет: я тебе и другим, добровольно жертвую всю свою долю добычи, в обмен на женщину.

– Добычу ты заслужил, Копли Бэнкс! Я видел, – признал капитан. Проворно, как на оси, развернулся. Листвой на ветру, облетели в толпе улыбки...

Шарки выхватил саблю и пистолет:

– Люди! Да он убил меня! Не было пленной женщины! Господи, пулю мне в лоб, и прости наглецу эту наглость!

Грохнул, окутался дымом пистолет, вскинутый к лицу Бэнкса.

– Так! – улыбнулся Шарки, сдул со ствола дымок и спросил:

– У кого еще не было пленной женщины?

Волны плескали в борта, ниспадая со всхлипом, как женщина в тягостной тишине. Свидетели действия молчали, слыша собственное дыхание.

– Что ж, – многозначительно выдохнул Шарки. Пуля отправилась в небо, развеялся дым, капитан обвел толпу взглядом и обернулся к Бэнксу.

– Молчат! – констатировал он – Что делать? – пожал плечами и усмехнулся, – Ты, видишь Бэнкс, нет таких? Нет! – отвернулся он, – Твоя женщина. Бэнкс, забирай!

Шарки вогнал на место за поясом саблю и пистолет.

В толпе пролетел изумленный вздох.

Бэнкс уходил, увлекая с собой, из круга, прекрасную пленницу. Им уступали сочувствуя, как обреченным, идущим на эшафот. Чем это кончится – кто его знает?! Не знает, может быть, даже Шарки.

Но завтра же Шарки придумает что-то...

Бэнкс тяжело умрет, красиво...

Солнца не замечают в течение дня: есть оно, есть всегда, и о нем не думают. Его замечают к вечеру, когда оно обретает оттенок огня. День отгорел – значит, жизнь стала на день короче. Она и проходит, как день: белый и долгий. Идет долго, сгорает быстро...

Багряно блеснул луч закатного солнца, в заплывших глазах канонира Кларка. Дьявол сегодня носил канонира, с другими, на палубу атакуемых. Там он попал в переделку и был бы убит. Удар выбил искры из глаз, опрокинул на спину, жалом змеиным скользнул к груди нож.

Но рядом был Копли Бэнкс. И теперь Кларк смотрел через щелочки глаз на закатное солнце.

«Везет!» – улыбнулся он.

– Смеялся бы ты, – ворчливо напомнил боцман, – не будь с нами Бэнкса!

– А я оплачу! Я уже плачу ему, боцман: Бэнкс в моем трюме, устроил отдельное логово. Ей и себе. Разве этого мало с меня?

– Отдельное логово?

– Да. Привел ее и сказал: «Дружище, мне надо отгородиться с нею!» Взял бочки с порохом, и отгородился.

– Орел! – вздохнул боцман, – А она – ребенок!

– Это, о-о! – канонир закатил глаза в синих щелках...

– Нет. Это – Бэнксу! – хладнокровно заметил боцман. – Но, все же, вдвойне повезло тебе, Кларк!

– От чего?

– И в живых остался, и с тобой Бэнкс поделится первым. Шарки вряд ли возьмет, после Бэнкса, Но ты – не Шарки...

– А не убьет ее Бэнкс?

– Может. Но и ему жить недолго: Шарки прощать не умеет! Бэнкс тяжело умрет, красиво...

– Тебе его жаль?

– Сказал бы еще, что завидую, дурень...

Генрика

Стены отгородили Бэнкса и женщину от остального кошмарного мира. Паук хочет съесть женщину сам, в своем логове, или съест самое вкусное, а остальное – другим паукам. Мелькает бредовой картиной кинжал в руке Крэда...

– С порохом на корабле не шутят! – заверил Бэнкс, и вслух оценил надежность логова, – Мир не видел подобных вещей!

Зачем миру видеть подобные вещи? Мелькает кинжал в руке Крэда: кинжал лучше съедения! Женщина закрывает глаза... Большая ладонь ложится на обнаженное разорванным платьем, плечо.

Она содрогнулась, ожидая рывка, который, кромсая тело нестриженными ногтями, срывает платье. А он... Он медлил, вглядываясь в крепко зажмуренные глаза.

– Нож Крэда лучше? – неожиданно спросил.

– Да... – ответила женщина, не размыкая зажмуренных глаз.

– Когда-то, и я очень сильно, хотел умереть...

Она не могла верить пирату, помня изысканность Шарки.

– Вы живы... – сказала она очевидное.

– Вы тоже.

– Убейте...

Паук не вплетал свою жертву в объятия, медлил...

– Рвите! – не вынесла мук ожидания женщина, и вжала в своё платье пальцы пирата. – Живой, ты меня не получишь, Бэнкс!

– Невозможно такое, – заметил Бэнкс.

Он прав: силой мысли убить невозможно, даже себя...

– Однако, Вы правы: хотел, но ведь жив...

Корабль погружался в пьянку. «Бэнкс! – всё громче кричали пираты, – Ты не обессилел? Еще не устал? Не нужна ли помощь? Не забывай нас, дружище!»

– Понимаете их? – спросил Бэнкс.

– Когда ты убьешь меня, Бэнкс?

– Как Вас зовут?

– Генрика...

Воронка – мучительный выдох уходящего корабля, вскрутив на последнем, мучительном выдохе, воду, растаяла, стерлась бесследно. Зачем он спросил ее имя?

– Как думаешь? – с кружкой вина, набрел на хмельного и доброго боцмана, Кларк, – Что делает Бэнкс?

Боцман взялся за голову, посерьезнел, не выдержал и расхохотался. Ладонью бил в плечо Кларка, и хохотал.

– Ты сумасшедший, боцман!

– Не дождешься ты, Кларк! Не дождешься!

– О чем ты?

– О пленной женщине!

– А это он, тебе нос расквасил? – сдернув Кларк шляпу, плюнул на тулью и вытер засохшую кровь над губами боцмана.

– Он, потому что я задал ему твой вопрос.

– А она жива?

– Кажется, да, жива...

– Спасибо, – неожиданно поблагодарил Копли Бэнкс, и зажег свечу.

– За что?

– За то, что сказали имя.

– Нужен свет, чтобы видеть боль?

– Нет, я просто не прячу глаз.

– Убиты мой брат и отец, и мне не больше не видеть их глаз ... Зачем мне твои глаза, Копли Бэнкс?

– Нам придется быть вместе... Но можете просто и навсегда пресечь всё это, – Бэнкс взял свечу и поставил её между собой и Генрикой, – Достаточно бросить, и порох поставит точку!

«То, что не сделал нож Крэда, сделает пламя, – ясно осознавала Генрика, не сводя глаз с огонька свечи на полу, между собой и Бэнксом, – и так даже лучше...»

Обман, или насмешка пирата?

Утро, подняв над ленивым бризом туманные клубы, открыло на горизонте город. Шарки его рассмотрел с капитанского мостика, убрал подзорную трубу, и велел позвать Бэнкса...

– Твоя пленница, Бэнкс, и ты – неплохая пара, чтобы пойти, осмотреть городок. Ты ее не покалечил? Можешь продать её там, а потом еще раз возьмешь в плен, отобрав у того, кому продавал. Надо пойти и разведать город под видом простых горожан. Замысел понят?

Взрезывал веслами волны, гнал ялик Бэнкс, и смотрел на Генрику. Не мог миновать его взгляд подневольной спутницы: по курсу город, а позади пиратский корабль в дрейфе. Что еще нужно пирату – орава там, за спиной, и добыча перед глазами...

«Разочарован в пленнице? – пыталась понять его Генрика, – Обменяет, или продаст?»

Корабль, как черный паук, уже далеко, а Бэнкс не сказал ни слова.

– Можете забыть мое имя, и мы простимся, – разомкнул он губы, когда ялик ткнулся в песчаный берег.

– Простимся, и я окажусь вон там? – переведя взгляд от бронзы песка на небо, спросила Генрика.

– Я не убью Вас. Причалил подальше, чтобы не знали, с какого Вы корабля. Идите.

Бэнкс спрыгнул, вытянул ялик на сушу, и протянул руку. «Обман, или насмешка пирата?» – не понимала Генрика. Она вышла на берег, не подавая руки.

Бэнкс вскочил в ялик, и занял место гребца: спиной к берегу. Весла без всплеска упали в воду. Он первым забудет – зачем ему её имя?

Он рвется уйти, всё сказано. Гром прогреми – не услышал бы, но не гром прогремел, тихий голос окликнул с берега:

– Бэнкс...

Весла застыли в руках...

– Ваши люди убили всех. Я одна, Бэнкс...

Не упал огонь в горку пороха и все живы, но за спиной, одинокой свечкой на алтаре заброшенной церкви, остается фигурка. Бэнкс вонзил весла в воду, и рывком, вогнал лодку обратно, в берег.

– Идемте, Генрика!

– Продал? – увидев, что Бэнкс, возвращался один, изумился Кларк, – Жаль! Очень жаль, я бы отдал тебе две своих доли!

– В твоём сундуке есть женское платье, – взял его за руку Бэнкс.

– А... – опешил, но вспомнил Кларк, – той, прекрасной испанки? Оно совсем новое.

– Возьми серебра, сколько нужно, – развернул Копли Бэнкс мешочек с металлом, – отдай мне платье.

Серебро лучше платья, и Кларк согласился. Бэнкс сошел в ялик, и снова исчез. «Что он с ней сделал?» – попытался представить Кларк. Но Бэнкс выиграл больше: купив платье за пригоршню серебра, продаст его вместе с женщиной, за четыре пригоршни.

Кларк не мог бы представить, что сделал Бэнк, вогнав лодку в берег:

– Это мой город, – сказал он Генрике, – об этом не знает Шарки, но, знайте Вы.

Она сама подала руку, и Бэнкс привел её в одинокий дом на высокой горе, над городом.

– Пуст, как и я, – сказал Бэнкс, – такие дома уходят: садятся в землю по самые окна, потом исчезают совсем... Это хороший город, – кивнул он вниз, – я знал и любил его раньше.

– А теперь?

– Теперь он не для меня...

– Тебя там повесят?

– Думаю, что должны*... (*Общество и государства жестоко преследовали пиратский рэкет. Вешали без промедления, чаще всего, на корабельной рее...) Твой дом, Генрика. Пусть будет твоим. Здесь всё, чтобы жить. Даже свечи, чтобы ночь не казалась тьмой.

– Ты уходишь?

– Должен.

– Кому?

– Глупо терзать меня, Генрика, – недружелюбно заметил Бэнкс.

Промелькнул в глазах пистолет негодяя Шарки. Слепящее солнце и ужас в глазах, прочертили картину: падает навзничь пират, убитый другим пиратом. Но растаял дымок пистолетного выстрела, жив отважная дрянь Копли Бэнкс, и у него есть пленная женщина. Зачем – не понимает Генрика...

Бэнкс прочитал её мысль, уходя, обернулся.

– Вот так, – взял руку Генрики, и провел от груди кверху, наискосок, – перечеркните всё и забудьте меня навсегда!

Такого Кларк не представлял. Но две доли остались в сохранности, плюс серебро. Кларк довольно вздохнул, и сказал капитану, что Бэнкс возвращался, и снова исчез...

Бэнкс ушел не прощаясь, вычеркнув себя рукой Генрики. Птица отпущена, и забыта, а выживет ли на воле? – думать не стал. Но чище, светлей становился воздух, от мысли, что нет больше Бэнкса и мерзкой оравы, в абордажном прыжке опрокинувшей мир, нет подонка Шарки.

Рука потянулась к свече. Не обжигающий, светлый огонь, кистью художника-акварелиста скользит во тьме, затирая имя пирата Копли Бэнкса... Он сам так хотел...

В рассветных лучах, обрамленных проемом открытой двери, она видела Бэнкса. С его плеч, заставляя щуриться, струилось солнце, мешая видеть лицо и глаза, но Генрика знала – он...

– Ты сделал всё, – прошептала Генрика, – даже дом... и свечи, чтоб не было тьмы...

– Не всё, – протянул он руку, мягко поправил рваную ткань на плече Генрики. – Я тебя вычеркнул, правда, но ты осталась раненой птицей. Я покажу тебе дом, и твой новый город. А потом мы двойной чертой меня вычеркнем, дважды, Генрика!

Холодные взгляды сопровождали их в городе. Бэнксу кивали приветствуя, и отзывались, на два-три слова. Но, обернувшись, Генрика замечала другие глаза тех же самых людей: готовность к расправе над Бэнксом, читалась в них...

Не думая, она прислонилась плечом и взяла его под руку. Бэнкс не решился вырвать её в перекрестье небесного света и глаз обывателя...

– Я слишком легко ошибаюсь, – признался он у прилавка с одеждой, – постарайся сама выбрать платье по вкусу...

– Все ошибаются, Бэнкс.

– Не надо платить за платье, которое будет тебе не по нраву...

Он не вырвал руку, и не заметил, как перешел на «Ты».

Тревога не покидала Генрику: «Могут повесить?» «Должны» – отвечал он сам. Она ощущала взгляды тех, кто «должны», и старалась не выпускать руки Копли Бэнкса...

– Хочешь увидеть меня в новом платье?

– Достаточно знать, что платье тебе по-нраву, видеть не обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.